

Принесите вина получше, сполосните стаканы, постелите
скатерть, прогоните собак, раздуйте огонь, зажгите свечи,
затворите дверь, нарежьте хлеба!

Ф. Рабле

Баланс белого

Лишь любовь к государственной планиметрии облекала его в многогранность ответственного поста.

А. Белый

Любовь нашла Митеньку в осеннем лесу, в укромном уголке Лосинога Острова.

Той промозглой осенью Митенька вырвался на волю. Он убегал от прошлой жизни, чужой смерти, плохой мести и предательства богов. Достаточный список, чтобы нестись галопом по неизвестной земле, ошалев от свободы.

Но сбились крестом лесные тропы. Седые угли в его груди вдруг налились кровью, обросли мясом — и сердце появилось, услышав сердце.

Она нашла его.

Протянула белую руку сквозь завесу дождя, проступил в сумерках подол синего платья. Ее присутствие стало повелением, она заговорила с Митенькой без слов — от сердца к сердцу, — и Митенька потерял голову.

У нее были эбеновые волосы, белая кожа, алые губы.

Она была из другой сказки.

Одни дети звали ее Sneewittchen, другие — Белоснежка; Митенька когда-то слышал о Белой Ведьме... Неважно — подол ударил колоколом, взвились белые ноги, впиваясь в его бока. Появился путь, и четыре копыта ударили в чужую землю; все в этих краях было чужое, только Белая Ведьма — своя.

Эбеновые волосы падали ему на шею. Алые губы молчали за его ухом.

Но она говорила — ее присутствие было движением и смыслом.

Это была только их сказка, пока они не выбрались к дому.

Дом вырос в самом центре страны посреди безлюдного пространства и холода. Здесь всегда была зима, и Митенька этому не удивился. Белая Ведьма обязана жить в таком месте. В одиноком доме посреди пустоши должны были жить и люди, но людьми здесь не пахло. Рядом с домом была высокая изгородь, а за домом коптила труба котельной. Она направила его за ограду, прыгнула, стоило ему войти, и заперла за собой.

Белая Ведьма ушла не оглянувшись.

Вместо нее на Митеньку иногда приходили поглазеть *сотрудники*.

Порой за ним наблюдала чудовищная птица, парящая в небесах в оцепенелые дни. Кормил Митеньку местный пекарь — безразличный ко всему белоголовый великан. Он подносил хлеб забвения, от которого Митенька делался вялым и свылался со своим положением.

Белая Ведьма теперь выходила из дома, чтобы приворожить других зверей. Легкая поступь, следы на снегу, стройная фигура в платье, а сверху домашний трогательный свитер крупной вязки... Она протягивала руку к лесу ладонью вверх. От ее зова не было защиты: к дому выходили лоси и волки, рыси и медведи, глухари и куропатки... Белая Ведьма всех приглашала в дом, на кухню. Звери покорно топали по ступеням бокового крыльца. Там она пускала им кровь, подвешивала над тазами, потрошила тушки, резала мясо, жарила и варила.

Это требовалось, чтобы накормить *сотрудников* и прочий ресурс.

Митеньку нельзя было кушать, потому что он — единственный в своем роде. Среди людей ему не место; фотографии в заповедниках запечатлеют его и только взбаламутят

человеческий ум, а в НИИ его не поймут. Умереть ему не дадут, но и жить вольно — тоже.

Хорошо, что есть такой дом.

В дом приводят таких, как Митенька.

Любовь его стала томлением, потом — тревогой и маетой. Позже он понял, что снова находится в аду.

Она появлялась пару раз в неделю. От нее исходил зов к другим зверям, но никогда больше она не обращалась к Митеньке, не смотрела на него, сколько бы он ни бил копытом, ни бил в грудь, ни пытался ломать изгородь, ни стоял к ней задом, изображая презрение, ни ревел на всю округу.

Даже пекарь, что кормил его хлебами... Однажды Митенька вознамерился убить пекаря — лишь бы сделать хоть что-нибудь. Когда великан отпер калитку, Митенька ударил его в грудь. Любой смертный муж не пережил бы этого... Но пекарь лишь упал, потом поднялся, обернул хлеб полотенцем, собрал обратно на жостовский поднос, пошел в дом, и хлопья снега спадали с его косоворотки и льняных штанин. Митенька так и не убежал. Больше он не мог ничего.

Зима стерла время.

Белое выжгло глаза.

Но ничто на земле не проходит бесследно. И Митеньку скрыть от людей все же не вышло. Ад Митеньки стал сном о прошлой жизни и ослепительной любви, сон полетел ветром и туманом, вечной сыростью, шорохом и тенью — во все концы света.

И приснился одному молодому человеку из большого города.

* * *

Мутное утро Петербурга разгуделось машинами.

Ранние пешеходы давно утрамбовали ночной легкий снег, у метро он превратился в жижу. Первые этажи новостроек в Озерках с их кофейнями и пекарнями горели посадочной полосой для сонных питерцев. Ударная волна гриппа никак

не повлияла на уличное движение. Пробки поднялись до семи баллов. Люди толкались задолго до входа в вестибюль.

Уже день с трудом вступал в свои права, не отличаясь от утра: солнце не показывалось неделю. Свят дремал в беспрерывной тревоге, проснулся сам для себя незаметно. Светил неопределенный кусок облачности из незашторенных окон. Белое одеяло лежало на Святе толстым слоем снега.

«Начало — трудная пора». — И Свят заставил себя подняться, хотя бы чтоб дойти до айфона.

За спиной его, над кроватью, горело люминофором кредо (Вика подарила и повесила):

Искать, добыть красоту — и поделиться.

Сонный молодой фотограф на ищущего красоты еще не походил.

Вид из спальни съемной однокомнатной квартиры открывался на новый жилой комплекс на проспекте Луначарского — в форме восьмерки. Дом этот за годы студенчества (спасибо родителям, обеспечили жильем и деньгами, но со второго курса Свят сам зарабатывал, фотоаппаратом) он до дыр зафотографировал во все сезоны в закатах, рассветах и громах с молниями.

Ближе и ниже стояла больница № 2 — конструктивистский панельный угол с еле заметным намеком на изящество в плавных линиях балконов. Суровый дом. А еще суровее — двухэтажное здание морга при больнице, у которого Свят втихую и деликатно пытался делать снимки, издали — телевиком, для себя, в стол, отчаянно и мерзко ощущая аморальность подглядывания.

В морг входили и выходили люди в черном. Были каталки, урны, скорбь и слезы, медики в белых халатах курили, пьяные темные люди толковали у кафе для поминок... Снимать все это получалось плохо. Свят не без оснований решил: не оттого, что он бездарность (хотя, изучая работы мастеров и призеров мировых конкурсов, сильно сомневался в себе), а плохо получается, потому что нельзя сюда смотреть, по крайней мере ему.

Поблизости чадила труба котельной. Святу напоминала о новостном штампе из телика про «устойчивое развитие». Устойчивое развитие. Ну, коптим дальше... Что там в телефоне?

Первая эсэмэска в об:40: «Мы приедем на полчаса раньше, чтобы загримироваться, это если что!» Ага, мамаша одна отписалась. Свят договорился снимать ее с дочерью в 11:45 в студии на Петроградке. У скромной малышки три годика, планируется утомительная ламповая фотосерия с кучей детского реквизита. А Свят еще в душ не попал.

Вторая эсэмэска, незнакомый номер... Тут сердце забилося чаще, потому что такого текста не ожидал.

Поддержите нашу инициативу: президент должен быть безносым! Подобное решение исключает любые попытки водить президента за нос как пальцами недобросовестных элит, так и пальцами “уважаемых партнеров”. Безносость так же положительно влияет на служебную представительность, ибо нос человека — средоточие его личной индивидуальности, а президент прежде всего народное достояние. Наконец, лишиться носа на входе в должность — это жертвенность и серьезность намерений...

Чтобы поддержать нашу инициативу, ответьте “1”; при отказе — игнорируйте сообщение.

Бред какой-то...

Спамеры совсем офигели. Тролли какие-то... Хотя забавно, впрочем, и не такую чушь ему слали в запрещенных Роскомнадзором соцсетях.

Свят — только для мамы он был полный торжественный Святослав — почесал макушку.

Стекло айфона вцепилось, удержало, притянуло его взгляд. Палец рефлекторно побежал по иконкам приложений... Кстати! Он же собирался прилепить цветочный «пацифик» к аватарке. Свят против насилия, это косметический, необязательный жест,

ясное дело. А может быть, это изменит его жизнь навсегда. Жизнь прекрасна и удивительна.

Возможно, череда неприятных событий ударит сегодня по Святу только потому, что он упорно пытался обновить аватарку пацификом.

Попеременно подвисало то приложение соцсети, то врп-сервер. «Когда мы будем ходить с виртлинзой в глазах вместо смартфона, с вечнодополненной реальностью, — подумал Свят, — буду ли я видеть маркировку над людьми? Если государства отойдут на второй план, а их функции возьмут на себя корпорации... А я, допустим, буду с привилегией, менеджер среднего звена с отработанным столбиком социальных баллов, буду ли я видеть значок-уведомление нимбом над пешеходом? “Банкрот”, “92 административки”, “мигрант-разнорабочий”, “шиит”, “холерик с сезонной тревожностью”... А отсюда алгоритмы рекомендаций, индикаторы настроений, костыли удобств... Если мне не предоставит эту привилегию корпорация, взломает ли нужные базы какой-нибудь мой бот?..»

Свят давно обдумывал подобную серию фотоколлажей. Невидимый «Глаз Бога» рисует над каждым человечком его подноготную. Только умом понимал: неплохо бы окунуться в научную фантастику, чтоб не собирать велосипед или хотя бы донести идеи мастодонтов проще, ближе к народу...

Пол холодил ступни. Но встать с кровати, разогнуться из сонной сутулости еще не вмоготу.

Свят крепил к своему фото затасканный и малодушный этот пацифик, встроенное в редактор logo, жал на кнопку «принять» и тут же получал профиль без изменений. Свят проявил свойственное ему упорство, повторил операцию над аватаркой раз двадцать.

«Ну вот, теперь я еще больше клише». Даже иронично вышло: значок закрывает намечающуюся, несмотря на юный возраст, залысину. Она будто подтверждала основательность Свята. Остальное было в порядке, в чебэ: волевой подбородок, глубоко посаженные серьезные глаза, крупный нос. Кашемировый шарф

французским узлом. Богемности добавляла и прядь, зачесанная за ухо. Прядь приходилось удобрять голландской помадой на водной основе, каждый раз при покупке вздыхая, что помада дорожает вдвое против довоенной цены.

«Давай же, надо стартовать, в темпе, в темпе!..»

И только тогда он вышел из съемной квартиры и, торопясь, зашагал к метро, понимая, что, приехав в студию, будет еще расставлять свет, вешать фон и начнет сессию позже намеченного и клиент — мамаша эта бодрая, как под экстази*, будет менять сорок поз в минуту, а ребенок потупит глаза, и надуется, и закусится, — конечно, попрекнет легким опозданием. Святу придется соврать про пробки. Хотя при чем тут пробки, машины у него нет. Но в его твердых планах было заработать на тачку через год максимум.

К своим двадцати трем годам Свят работал и вторым фотографом на свадьбах, устраивал фотосессии в студиях знакомых, участвовал в фотоэкспедициях, немало вкладывался в блог уличной фотографии. В студенчестве, учась в университете культуры и телекоммуникаций, он локально прославился в соцсетях и питерских конкурсах пейзажными фото из разных уголков страны.

Благо отец Свята любил путешествовать.

До сорока пяти он работал геологом, а потом резко сменил деятельность, открыв в Тюмени компанию, занимающуюся перетяжкой и отделкой салонов люксовых и бизнес-авто. Это дело резко подняло благосостояние семьи в тучные годы, а теперь, с приходом санкций и падением курса рубля, рост доходов, скажем, удерживался около нуля либо рос отрицательно...

Свят повидал родные края.

Именно за концептуальное многозначительное чебэ про лосей и сосны на Байкале, за громаду Братской ГЭС и излучины Ангары, запечатленные с парящей траектории квадрокоптера да в наплывающем дыме летних пожаров, Свят получил членство в «Гильдии молодых фотографов России при Ассоциации

* Является наркотическим веществом и запрещен на территории РФ.

чего-то там бла-бла». Он сам не мог это выговорить. Известная эта Гильдия, президент которой не преминул сравнить свое детище со сколковским научным лагерем (молодые изобретатели) и форумом «Липки» (молодые писатели).

Там проводилось немало лекций и семинаров для молодежи от мастеров фотоискусства. Благодаря Гильдии можно было почти за казенный счет попутешествовать для заказанной фотосессии. Еще и получить аккредитацию на поп- или симфонический концерт для репортажной съемки.

Однако последним устремлением Свята был полет в Красноярский край.

Неоправданно дорогое, далеко не продуктивное, истинно зимнее путешествие. И связи в Гильдии приплести не удалось: Свят готовил свой кошелек. Место, куда он собирался тайно, было, можно сказать, секретным и даже сакральным, что ли. Пусть о нем почти никто не знал и вес оно имело, пожалуй, символический... Тур Свят забронировал неделю назад на сайте туроператора «Сибирский дервиш».

При первом созвоне его убедили, разумеется, рассчитывать на сумму вдвое больше. Потому что к месту реально долететь лишь на вертолете, вообще вы будете в составе группы, и за час полетного времени берем примерно пятьдесят тысяч рублей с лица... Тут Свят и засомневался.

И сейчас, когда он изо всех сил спешил на съемку, не находя ключи от квартиры и пачкая ботинками прихожую, сомнения насчет путешествия надлежало разрешить. Ему звонил менеджер с напоминанием.

— Але?

— Здравствуйте, это «Сибирский дервиш». У вас сегодня последний день брони на тур к озеру Виви.

— Помню, да.

— Вы определились с участием?

— Я...

И тут Свят задумался. Деньги немалые. За эти деньги можно взять ультра ол инклюзив в Доминикане, с Викой, на две недели.

А озеро Виви... Ведь это очень своеобразная Сибирь.

Редколлестье там неживописное, судя по немногим доступным фотографиям из интернета. Северного сияния в метель не дождешься, а прогноз погоды как раз обещал «интенсивное воздействие циклона». Само озеро Виви любопытно формой, глубиной и редкой рыбой, но — и Свят знал себя — на его зимнем фото при его способностях оно все равно выйдет один в один как Ладога или Чудское. Те же Суздальские озера, что в пяти километрах от Свята, он может сфоткать так банально, что сойдет за Сибирь. В лютый мороз (а обещают чуть ли не минус сорок при плохом раскладе) вряд ли захочется бурить лунки и рыбачить. Хотя, как он понял, вся тургруппа именно на тайменя и хариуса туда метила. По возможности будет и прогулка на плато Путорана, только «прогулка» не совсем то слово...

А Сердце Родины, как обмолвился туроператор, просто прилагалось к недельной рыбалке дополнительной опцией.

Да... Сердце Родины.

Вот это действительно важно, в этом что-то было.

Географический центр России, впервые рассчитанный по формуле доктора технических наук и члена географического общества Петра Бакута. Располагается на юго-восточном берегу озера Виви. Причем в СССР это была одна точка, для России — другая. После Крыма — еще раз сместилась... да и теперь... Там установлена памятная стела, деревянная часовня в честь Сергия Радонежского, восьмиметровый православный крест. Стелу увенчивает двуглавый гербовый орел. На табличке указано: Центр Российской Федерации — девяносто четыре градуса и пятнадцать минут восточной долготы, шестьдесят шесть градусов и двадцать пять минут северной широты.

Центр России — официальная точка на карте.

Там очень пусто. При всей символической нагрузке — вокруг одна тайга и что-то вроде туристической базы, пара домиков, большую часть времени заброшенных, для редких охотчих путешественников. Что летом, что зимой — труднодоступная глушь. Вокруг горы эти спиленные, как же их?.. Столовые, во!

Какие-то фанатики из Норильска тыщу с чем-то километров по рекам и озерам на снегоходах преодолевали, на волокушах по семьсот килограммов тащили (топливо, палатки, еда, печки и бог знает что еще), лишь бы попасть на озеро Виви и смочь уехать. Летом куда легче: энтузиасты терпят таежный гнус, плывут на скоростных катерах шестьсот километров от поселка Тура по речкам Нижняя Тунгуска и Виви к этому озеру. Еще можно лететь вертолетом. Очень быстро, очень дорого.

Свят выбрал вертолет.

С отцом он, конечно, ходил по неделям в лесах Алтая, Коми, Карелии. Свят мог вытерпеть многие трудности, но комаров ненавидел. Кровь в этом отношении была у него самая деликатесная, а монотонный, то приближающийся, то удаляющийся писк действовал поразительно удручающе на нервную систему.

Будто уловив смутные мысли абонента, менеджер ласково пропел:

— Сегодня мы еще дарим персональную скидку на тур семь процентов. Но в декабре стоимость уже поднимется. А условия пребывания станут как бы... более жесткими...

В зимний пик там будет и минус пятьдесят.

«Опаздываю, плохо... Но следующей зимой я туда уже не выберусь, столько заказов... А через год? Кто знает, что с миром будет через год? К тому же Алексенко и Карпович звали нас с Викой в Сербию... А летом? И дешевле катерами, гораздо дешевле... Но меня сожрут в тайге комары, а как они мерзко и беспрерывно пищат... Очень плохо... Все же сейчас?.. Так круто, там так дико и свободно по сравнению с Петербургом. Рай для городской крысы, мозги очистятся!»

— Я готов, — вздохнул Свят. — Оплату по ссылке можно?

— Прилетит эсэмэс! — возликовал менеджер. — Благодарим вас за выбор и приятного отдыха!

«Все — правильно — я — сделал, — твердил себе Свят, чеканя мысленное слово на каждый шаг, — если хочешь — не откладывай. Иначе будешь жалеть всю жизнь, и ныть,

и грустить. Так батя учил. Пусть дорого, пусть неудобно... зато об этом мало кто знает, а уж побывали в *центре* считанные сотни. По сравнению с Эвенкией, можно сказать, тот же ХМАО исхожен вдоль и поперек. Там в поисках легкого золота только так авантюристы шуруют... Давай! Ты сам кимберлитовую трубку в Мирном сфотографировал еще в девятнадцатом, ты был в Якутии, ты был на Дальнем Востоке... Нет, все правильно, не ной, будет круто...»

Выйдя из Учебного переулка, Свят спортивной ходьбой, орудуя локтями, понесся к проспекту Энгельса.

Приставучий айфон снова пропел вызов. Нельзя игнорировать — мамашка та оплатила фотосессию за две недели вперед. Лишь бы Свят забронировал именно эту студию в творческом кластере: с купидонами, гномами, елкой и рождественским реквизитом...

Сунул руку в карман, на ощупь ткнул пальцем, поднял к уху. И опешил, когда услышал Андрея Палыча. Звонил куратор Гильдии молодых фотографов. Организатор лекций, семинаров, ивентов...

Отключиться было нельзя, потому что лояльность Андрея Палыча было легко потерять, а с нею и возможности, и поддержку. «Десять утра, а меня уже задолбали! Только не ты, ну почему сейчас?!» — успел подумать Свят. Его на манер нападающего в регби бортанула могучая бабка. Чихуахуа из ее подмышки испепелила Свята взглядом боярыни Морозовой.

Он поскользнулся, еле устоял и услышал бодрый голос:

— Святослав, дорогой, это я, Андрей Палыч.

— Слушаю вас, Андрей Палыч!

У Свята была робкая надежда, что, различив уличный шум, собеседник быстро с ним распрощается.

— Много времени не отниму. Смотрите, Святослав: у нас на следующую пятницу запланированы мероприятия по Гильдии. В расписании мы ставим вас часов на девятнадцать-двадцать: выступите по части своей фотографии.

«Так, а что, если я уже буду в Сибири?..»

— Походные фото?

— В том числе, да.

— Нужно потолковать о технике съемки, лайфхаки, вот это все?

— Да, именно вот это все! Ну еще нам, к сожалению, нужно провентилировать политические моменты. Давно пора расставить точки над «и», чтобы мало ли чего не случилось... Святослав, публичные сессии Гильдии фотографов будут на камеру. Про нас будут сюжеты делать и для питерского канала, и «Фонтанка» обещала приехать. География наших поездок, сами понимаете, в условиях санкций и такой международной обстановки как бы сужается. Вы понимаете мое «как бы»?

— Не совсем, Андрей Палыч.

Свят почти добежал до станции «Озерки», оставалось перейти проспект. Светофор был долгий.

Под ногами чавкала жижа из химикатов, грязи и перетоптанного снега. Ночью она снова застынет, и вечерние вывески своим неоном магически превратят эту наледь с грязью в подобие чароита — полированные шкатулки из него, подходящие для хранения колдовских склянок, Свят присмотрел в пермском аэропорту.

— Святослав, мы будем выступать под лозунгом: мол, хоть санкции нас и ограничивают, да только страна наша безгранична. Государства разные стали недружелюбны, ну вы знаете список. Но мы сами, Россия, сами себе словно несколько государств на огромной земле. Мы — русский космос, мы — сила! Понимаете?

— Это несложно, — сыронизировал Свят.

— А сложности нам и ни к чему. Примером безграничности как раз послужат ваши экспликации. Мы хотим выставить ваши съемки еще из две тыщи восемнадцатого и девятнадцатого года. Самые разные уголки страны! Красную Поляну можно... и как вы в Уссурийске были зимой на китайском рынке, там

богатый национальный срез получается. И еще уссурийскую здоровенную тарелку в чистом поле — как ее?

— РТ-70, — вспомнил Свят. — Семьдесят — диаметр зеркала...

Он только две такие штуки в жизни видел. Могучие параболические антенны: в Калязине и в Уссурийске. Уже для себя, не для выставки, фотографировал он втихую и обслуживающий персонал радиотелескопа. В туалет что мужчины, что женщины ходили в чистое поле в любое время года, бытовые условия так себе, но что поделать — космические исследования требуют служения и силы духа...

— Да-да, — бормотал куратор дальше, — что-то из пермской православной скульптуры, что-то из липецких кузнечных поделок. А Спасский собор в Пензе? Там у вас девушки в косынках, дети в санках, какие-то отсылки к Лермонтову — ну блестящие ведь фото!

— Спасибо, Андрей Палыч.

— Помимо вас будет и весь прочий молодежный цвет, но вот в чем дело. Слово вступительное я бы хотел доверить именно вам, потому что: а) вы самый молодой в Гильдии молодых, хе-хе, б) у вас отлично получается вещать на публику, в) мы рассчитываем, что вы сможете высказаться патриотично и здраво насчет осваивания молодым поколением фотографов своей Родины. Понимаете?

— В смысле, э-э, — Свят поднатужил свой мысленный кор, актуализируя речевые шаблоны, — надо сказать: «Ура, не было б счастья, да несчастье помогло! Наши края всецело попадут под наши объективы, обратимся вглубь и ширь Родины. Ведь мы теперь не можем отвлекаться на заморскую диковинку». Так?

— Да! Уже хорошо, Святослав, замечательно! И здесь не помешало бы говорить глобально... Нужно затронуть, что в этих тяжелых обстоятельствах, когда весь мир против нас, мы даже не обращаем на эти тяготы своего внимания.

— Почему не обращаем? — не понял Свят.

Вчера он как раз ломал голову над тем, как ему выбраться в Скандинавию, пока действительна виза. И сколько теперь с таким курсом рубля ему надо откладывать.

Учитывая, что он разорется на это клятое озеро Виви.

— Потому что у нас все есть, — делано удивился Андрей Палыч и даже дрогнул голосом, будто Свят его начинал обижать своей недогадливостью. — Вместо гранд-каньонов американских у нас, знаете, дагестанские каньоны. Вместо Финки — Карелия, вместо Аляски — Камчатка. Сибирские просторы не хуже канадских, и степи есть, и средняя полоса, и Арктика. Знаете, что Еврейский автономный округ площадью как два Израиля? Таймыр может Британию собой как тазом накрыть! А Коми — целая Франция, только вместо беф бургиньона у них там оленина, ха-ха! Мы — это целый мир, Святослав. И именно вам как передовику нашей Гильдии следует об этом заявить. Вас в пример молодежи поставят...

— Андрей Палыч. — Свят собрался с мыслями и даже отошел от пешеходного перехода, встал у ларька с кофейком-фикс за девяносто рублей. — Меня пригласили в Гильдию, чтоб делиться опытом, учиться и развиваться у мастеров. У Борисова вот потрясающий курс, у Антоновой... Антонова вообще лучшую художку делает, она гений. Я с радостью сам отвел даже два семинара, громко сказано, конечно...

— Вы самый молодой наставник у нас были! — подтвердил Андрей Палыч.

— Просто понимаете... Я могу давать уроки «Фотошоп» и «Лайтрум», про экспозицию, там, рассуждать, композицию и все такое... Но я не пропагандист, и упаси боже на камеру еще вещать, мол, теперь-то заживем.

Тут возникла тяжелая пауза.

Каждый из них вложил в нее немало своих предчувствий.

— Ну вы же можете сказать по настроению, — напряженно произнес Андрей Палыч, — что по настроению мы должны быть все вместе в такой момент? Скоро год, как компании уходят, бренды, уезжают люди, молодых теряем... — Свят

поморщился: этот старпер сказал «бренды» с той же козлиной назальной «е», как говорят старики слово «се-екс». — У нас из Гильдии ушли Алексенко и Карпович, потому что мы запретили им... э-э... ушли громко и открыто... И хотелось бы теперь заключение по ним озвучить: что мы — не с ними.

«Вы им запретили высказываться за мир во всем мире. И еретические коллажи с символикой мутить», — подумал Свят.

Эти двое делали серию миролюбивых постов. В сообществе они говорили о том, что око за око — это ветхозаветная логика. Что бьешь по врагу, а попадаешь в мирняк, или враг, отвечая тебе, попадет в мирняк. Что кровь льется, а надо ее просто не лить — цепь эту разорвать и бежать войны всячески — на своей-то земле сколько бедности и неурядиц. Мы же фотографии, мы зеркало. Мы покажем то, что видим...

И стало, конечно, хуже.

Свят слышал, что Алексенко и Карпович смотались в Белград в первую очередь из-за Гильдии.

Наговорить на статью легко. Можно ли на статью намолчать? Свят-то что делать?..

Во всяком случае слабину давать не следует. И потом, он ведь даже с отцом не обсуждал «международную ситуацию». Один раз только в феврале в Тюмень позвонил, спросил: «Бать, ты с президентом согласен?» Батя ответил: «Сын, я на него могу повлиять так же, как на погоду. Ты когда-нибудь в Питере с погодой соглашался? Она есть, и все тут. Делом займись лучше».

Что Свят толкового проговорит на публике? Почему вообще его принуждают высказывать свои взгляды? Что там было в Конституции на этот счет?..

— Понимаете, Андрей Палыч, я с вами как бы стыкуюсь по части фотографии. И в Гильдии фотографов я занимаюсь всем в районе фотографии. Я вам очень признателен. Я, правда, отдаю немало, но и получаю больше. Так?.. — Свят понял, что отчасти перенимает от Андрея Палыча особенности речи. — У меня просто нет стремления указывать людям, утверждать

настроения, обращаться к истории. Типа в истории наши лучшие соотечественники делали так, значит, и я должен делать так... — «Не туда, Свят, ох не туда!» — Э-э... возглавить и направить — это точно не про меня...

— Вы у нас самый амбициозный молодой фотограф. Мы вас тогда в статье именно так и превозносили... — попробовал его перебить Андрей Палыч.

— Подождите, пожалуйста. Я все же не могу обличать людей и вызывать к людям. Я — фотограф, Андрей Палыч. Пока весьма посредственный, но я только на языке фото с людьми хочу говорить. И на свое счастье, я, как ни стараюсь, отвратительно снимаю репортажку. Иначе уже выложил бы достойные кадры митингующих и пикетчиков. Ведь именно в этом свобода молодых! Вы сами так сказали: показывать то, что видишь и чувствуешь.

— Вот это вы зря, — совсем другим тоном произнес Андрей Палыч.

— И фотосерию про «влюбленных питерцев» я, знаете, сильно обрезал...

Свят понял, что сейчас рвет членский билет перед носом куратора.

В той фотосерии, максимально неудачной с точки зрения ремесла, которую позже зло и великолепно высмеял великий фотограф с Василеостровской Александр Петросян, немало было однополых* влюбленных Петербурга и пикантных намеков, случайных касаний, забавных отражений. Там были китч, и кэмп, и такие славные братания пьяной десантуры в фонтанном августе, и фанатские оргиастические упоения на концертах Билана и Ньюши — потные лица в экстазе прожекторов, в просветах черной кожи... И даже размазанный панк с парой розовых сосисок в кармане косухи, торчат они двоеперстием на груди... панк этот в обнимку с фонарным столбом, столб

* Деятельность международного общественного движения ЛГБТ признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

удерживает его против четырех ветров и портвейна под мраком Троицкого собора — это ли не любовь?

Свят находил сюжеты и терял кадр.

Свят видел драматургию и рассыпал планы.

Координации фотографической он до сих пор не заимел — чтобы все составляющие отличного снимка выдерживались умом, а душу снимку дарил сам объект, как учила его Антонова. Вот этого профессионального баланса Святу не хватало категорически.

Молчание Андрея Палыча становилось черной дырой.

— Обличать и пальцем тыкать на публике и сортировать по тегу — вот этот предатель, этот эмигрировал как только, так сразу — и в ус не дует. А это доказанный гей, а это казачки засланные, а это плохо, а вот это хорошо — это все не моя задача. Вот смотрите, Андрей Палыч. Пишет какой-нибудь наш «инженер человеческих душ»: мол, товарищ Артист — вы же сын советского генерала и что же вы кривляетесь в Израиле, а как же память, а предки, а Родина?! А вы, товарищ Юморист, ваша бабушка была великой советской актрисой, а вы все издеваетесь над Совком и номенклатурой? Не стыдно вам лицемерить?! Ваш статус, ваш клан как раз из Совка и растет! Шуты ведь при троне должны оставаться, царю зеркало правды подносить, а не деру давать...

— Святослав, вы уже юродствуете! Я не понимаю, куда вы...

— Так я объясняю! Понимаете, Андрей Палыч, жалом водить среди народонаселения, тыкать пальцем в людей, делить на этих и других — для этого есть трибуны в ток-шоу. Блогеры. «Телеги» больших русских писателей. Ну и пусть ведут там свои летописи пидорасов, пусть решают между собой, кому и как командовать мировоззрением. Как только заговорил об этом — все! Ты не человек, ты — поза. Мне сейчас противно, что я сам, получается, пальцем тыкаю. Я-то знаю, мне приходится поневоле следить за ними. Я же их фоткаю от имени Гильдии на писательских встречах...

— А я про вас совсем иначе думал, — бесцветно произнес Андрей Палыч.

— А я вам напомним вашего Галича. Вы ж его нам у костра сами пели в Комарове. «Не бойтесь мора и глада. А бойтесь единственно только того, Кто скажет: “Я знаю, как надо!..” Он пройдет по земле железом И затопит ее в крови...»

— Святослав!

— Работа у них, допустим, востребованная, — не утихал Свят, прохожие оборачивались. — Они там гордость нации возвращают, президента приветствуют через «аве цезарь» от сердца к звездам. Но я с людьми так поступать не хочу. Тыкать не хочу — хочу вверх. Голову вверх держать, а если и ходить среди людей, то сквозь поверхность смотреть. Я лучше идеи буду оценивать, технику изучать, в природе я быть хочу. Технически сделаю все, что надо по части фотографии, — твердо сказал Свят, — технически я же остаюсь законопослушным гражданином, возможно, с мелкими недочетами. Но в душе я пацифист и заодно со всеми нормальными людьми, которые хотят просто жить и делом заниматься. Конечно, как Алексенко я передергивать с символикой не буду, но в душе у меня полный порядок.

«И я себе сегодня пацифик на аватарку прилепил. Герой, блин».

— Святослав, я с вами сейчас попрощаюсь. А если мы вдруг снова поговорим, то это совсем другой разговор будет, до свидания.

«Вот и конец истории», — подумал Свят.

Гудки, конец.

Как-то глупо все вышло...

Поганое чувство расплылось в груди: будто по ходу разговора Свят незаметно для себя шагнул куда-то в сторону, не осознавая. И продолжает идти. Вроде бы та же рутинная дорога под ногами, три улицы, два светофора, но ноги его раздвоились, их четыре, он типа кентавр и, помимо проспекта Энгельса, бежит еще смутным безумным зверем без роду-племени

по скрытой дороге в совсем другое место... И коли сам он себе цели не видит, то ему точно найдут применение...

Болезненно заныло в груди, как бывает в редкой ситуации в жизни. Знаешь, что за этим поворотом, за этой дверью находится то, что видеть не нужно. Быть там не нужно. Шестым чувством назови, интуицией, астральной интервенцией — просто знаешь: туда не стоит. Не «нельзя», потому что кто ж запрещает? Где знаки? Даже, наоборот, любопытно... а все-таки не надо. Пусть белый день на дворе, солнце неопределенно наверху, асфальт скользок да ровен, ветерок дует, люди неподалеку, и самое главное — на случай любых неожиданностей — айфон заряжен до ста.

А все-таки не стоит идти.

Не иди.

Свят помотал головой, стряхивая наваждение. Надо ж, как старик настроение испортил! Дурной совковый человек.

...Вот уже и на полчаса опаздывает, мамашка эта сейчас начнет названивать. И конечно, предвидел Свят, в вестибюле метро он пойдет через рамку металлоискателя, и на тушку пен-такса и пару портретных объективов, разумеется, пропищит длиннее прочего. Ежедневный дядька в синем кителе преградит Святу путь: давай-ка на рентген, парень.

Но Свят ошибся.

Дорогу у метро ему внезапно преградил высокий полицейский, попросил документы.

Свят выудил из рюкзака паспорт, отдал, спросил понимающе:

— Понятых ищите?

На втором курсе его с однокурсником остановили на Миллионной именно с этой просьбой. Свят хотел было взбрыкнуть: мол, дело это добровольное. Но тогда при менте был усталый страшный следователь, что ли. И он так тускло, но внушительно, не глядя студентам в глаза, пробросил всей окружающей среде: «Понятые — нужны. Будьте добры исполнить свой гражданский долг». Тогда, пять лет назад, Свят

даже не задумался права качать. Они оказались в отделении полиции, к ним вывели зачуханного наркомана в балахоне, руки в наручниках за спиной. У него из кармана достали два мутных пакетика, и Свят наваял документ, мол, изъятие такого-то предмета подтверждаю, дата, подпись, расшифровка...

Однако сейчас у метро «Озерки» понятия не требовались.

Этот полицейский спросил:

— На учете в каком военкомате состоите?

— В Тюмени.

Наморщил лоб.

— Приписное есть?

— У меня его забрали, когда медкомиссию проходил, — не соврал Свят. — Я там прошел, мне должны скоро выдать военник.

— Тогда проедемте в военкомат.

И полицейский, не касаясь Свята, но убирая руку ему за спину, словно распространяя намерение в область тела, направил парня в полицейский уазик.

— Мне не надо в военкомат, — сказал Свят на ходу.

Он был спокоен, уравновешен, вообще для своих лет Свят в любой ситуации оставался серьезным и выдержанным молодым человеком, что не раз с удовольствием отмечал куратор Андрей Палыч.

— Вас там проверят. Если все нормально, то и отпустят.

— У меня дела, мне есть чем заняться.

— Вот проверят и займетесь.

В окне уазика Свят различил еще одного в форме на переднем сиденье и гражданского на заднем. Почему-то именно этот обычный парняга, сидевший не абы как внутри, а даже нога на ногу и листавший большим пальцем в смартфоне, подломил сопротивление Свята. Ноги сами двинули к машине.

«Это полицейская облава при осеннем призыве, — сказал он себе, — ноябрь, а им план закрывать. Наверно, пацанов нет, вот и гребут. Но они не имеют права».

И всю дорогу до двухэтажного здания военкомата, построенного по типовому проекту, Свят твердил себе: «Они не имеют права». И еще: «По ходу, меня выгонят из Гильдии».

И под конец: «Мы все сорвали съемку одному трехлетнему малышу».

Через час Свят после некоторых неловких разговоров сидел один-одинешенек на скамье с откидными креслами, как в старом кинотеатре.

Был это, наверно, актовый зал, вон там скромная трибуна, на стене, выкрашенной зеленым, в левом и правом углу по портрету современного вождя: Путин и Медведев. Стена коридора была выбелена и увешана сверху донизу лозунгами, выписками из нормативных актов и листовками, рекламирующими контрактную службу. Маршал Рокоссовский висел со своею цитатою. Коридор проходил насквозь через этот зал, заворачивая в череду врачебных кабинетов для медкомиссии призывников.

Свят не терял присутствия духа.

Ему помогало сосредоточение творческого уклона: как описать эти клише? Какие снимки могли бы выйти, рискни он додать здесь пентакс?

Его поведение — «осажденная крепость», «меня хрен возьмешь» — клише. Тетка, сидящая в кабинете с окошком за его спиной, ее облик, речь, поведение — клише. Попробуешь копнуть глубже?..

Кадр: его вводят и ставят в очередь других парней, узким казенным коридором они идут в один кабинет. Запах присутствия, кафельная плитка, старые обои, облупленный потолок, люминесцентные лампы.

Кадр: шеренгой они перед майором, послушная цепочка молодых людей — «вертикальные бипедальные животные» в количестве одиннадцать штук. Кто-то назвал этого мужика в кителе майором. Свят в знаках различия не разбирался и не хотел. Была у него только философская фотосерия «Предназначение Плеч» (подсмотрел и скопировал у кого-то с Pinterest). Он

снимал загорелые плечи деревенских, плечи юношей в секции гимнастики, плечи загорающих на песке Петропавловской крепости, и смаком были подписи: «это плечи для погон», «это плечи для пиджака», «это плечи для вечного рюкзака».

Парни, стоявшие перед ним, все как один отправлялись на медкомиссию, что Свята пугало. Майор непрерывно писал в журнале.

Военкомовская тетка, которую Свят через пять минут поименует «мисс Рэмплинг», стальным голосом называла имена, отбирая людей через собранную стопку паспортов.

— Говоров Святослав.

— Здесь.

— На учете в каком военкомате?

— В тюменском.

— Так, а почему регистрация питерская?

— В Питере живу.

— А там-то почему на учете?

Бестолковый разговор, она сама все понимает.

— Не успел встать здесь, когда переехал... Я медкомиссию там прошел, военный билет должен получить в Тюмени.

— «Не успел» — это что значит?

«Не хотел и не собирался, вот что».

— Обязан успеть в двухнедельный срок. Ну?

— Я уже прошел медкомиссию... — собрался повторить Свят.

— Ну-ну, и что у тебя?

— У меня по здоровью.

Кадр: от Свята не ускользает быстрый взгляд майора на запястье Свята. Это рожа у него медленная и толстощекая, нос по-бульдожьки сопит — мечта отоларинголога, а глаза-то бойкие, черные — цыганские очи. Великая привычка, Свят: засушивать рукава, демонстрируя на запястье Hamilton с автоподзаводом за две тыщи евро, не абы что, а аппарат, реанимирующий излюбленную модель Элвиса Пресли. Майор частностей не знал, но все прочувствовал. Мальчик с такими часами не мог не откупиться. Не надо его мариновать.

Кадр: мальчик Свят исключен из шеренги и отправлен в актовый зал, зачем-то «посидеть, а мы сейчас разберемся».

Одна шеренга парней уходит, другая шеренга внезапно отправляется в подъехавший автобус. Тетка довольно говорит, что призывники собраны и упакованы, доброго пути! Майор уходит, какие-то солдаты уходят, Свят один, тетка где-то запропала.

Стук железной двери. В закутке у входа среди мониторов и пультов — охранница. Кадр смазан: к миниатюрной охраннице, будто упавшей в гнездо из камуфляжного ватника, Свят не успел присмотреться.

Теперь клише.

— Ну что по здоровью? — тетка подошла, смотрит сверху вниз. — Что по здоровью, ну?

Кадр: стрижка короткая, свитер в обтяжку — синяя вязка, серые олени на груди, строгие брыли, веки тяжеловатые, глаза из стали, лицо как будто было когда-то аристократическим, голос лязгает. Ей бы говорить медленно, а наказывать быстро — очень порочная модель бы получилась. Свят запомнил, что в кабинете висел на крючке, над красным пальто, берет с козырьком... Минорная размеренная мелодия дольками пошла по радио на посту охранницы, синт-вейв...

Мозг Свята легко сплел поп-культурную цепочку.

— Не годен.

— А что? Ну что?

— Дерматит.

...Давным-давно в драйвовой юности, угоравшей по тяжелой музыке, услышал он дивную песню. The Chauffeur — от калифорнийской ню-метал-банды Deftones. Композиция совсем не походила на их репертуар и запала в душу. Через десять лет Свят случайно услышал в барбершопе оригинал: на самом деле это детище Duran Duran. Вместо размеренного ритма гитары там гипнотический проигрыш аналогового синтезатора. Так, а вот и клип: шофер везет в старинном авто загадочную эротическую модель посреди пустого города, бетонных эстакад и домов. На какой-то подземной парковке она вдруг танцует

со своим двойником странный изломанный танец, а шофер ее, идеальный ален-делоновский типаж, выходит из тени и оказывается женщиной... А вот в голове распаивается статья на вики, у Свята фотографическая память, так фраза на странице выглядела: «видео на песню The Chauffeur было вдохновлено фильмом Night Porter, 1974». Афиша: в главной роли Шарлотта Рэмплинг, в фуражке, штанах и подтяжках на голое тело, перчатки до локтя. Она — заключенная концлагеря, которая танцует для фашистов-надсмотрщиков. Очень красивое кино, очень болезненное.

Кадр: Свят установил сходство, эта тетка в военкомате — вылитая та Рэмплинг, лет под шестьдесят, привет.

Святу эти ассоциации как раз плюнуть, он визуал и гик, референсы, образы, отсылки... Склепать, сфоткать и выдать. Мозг легко переходит на смещенную активность, лишь бы уйти от стресса.

— Где?

— В смысле?

— Где дерматит? Ну где? Показывай где?

— На мне.

— Ну показывай.

— Нет.

— А чего «нет»? Когда призывник не годен, он сам все показывает. Он вообще рад показать. Ему это нетрудно! Ему это легко! Взял да показал. И мигом отсюда пошел. А тебе-то показывать нечего. Ну?

— Что «ну»?

— Это я спрашиваю, а не «что “ну”»! Ну?!

Надавить, запугать, заговорить...

У нее такая работа, она так ее делает.

«Я избегаю ее, я так это делаю. А все же, как стыдно и глупо. Как батя пересказать? Клише...»

Свят избегал да попался.

Кадр: мисс Рэмплинг встает у трибуны между портретов президентов и говорит Святу: